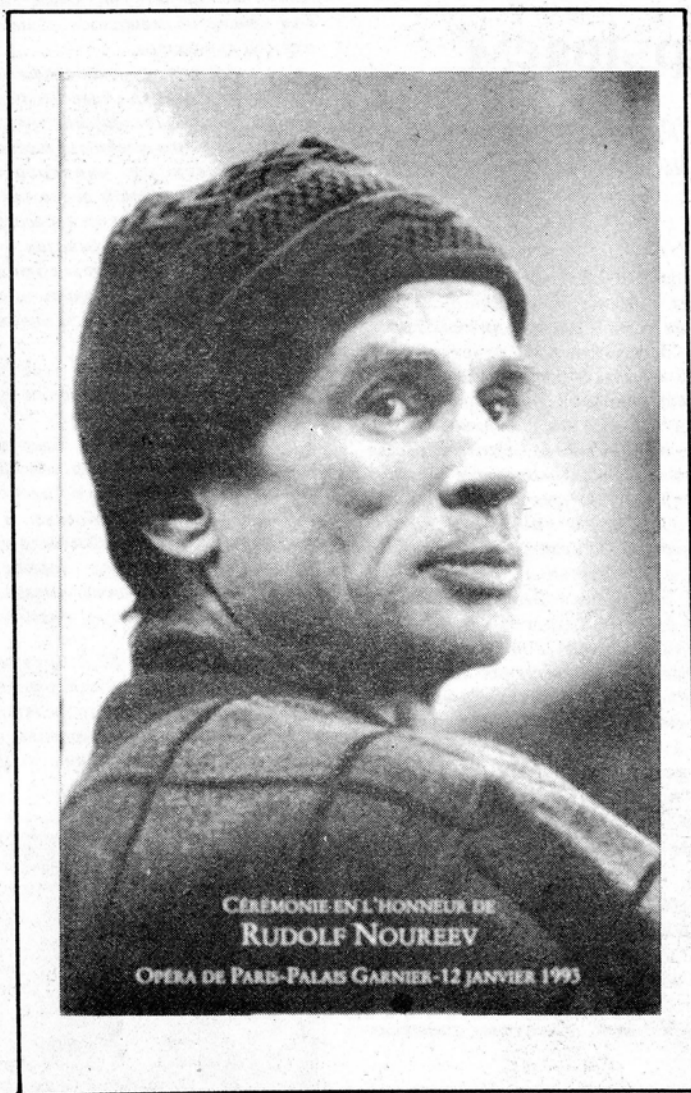

ПАМЯТИ РУДОЛЬФА НУРЕЕВА

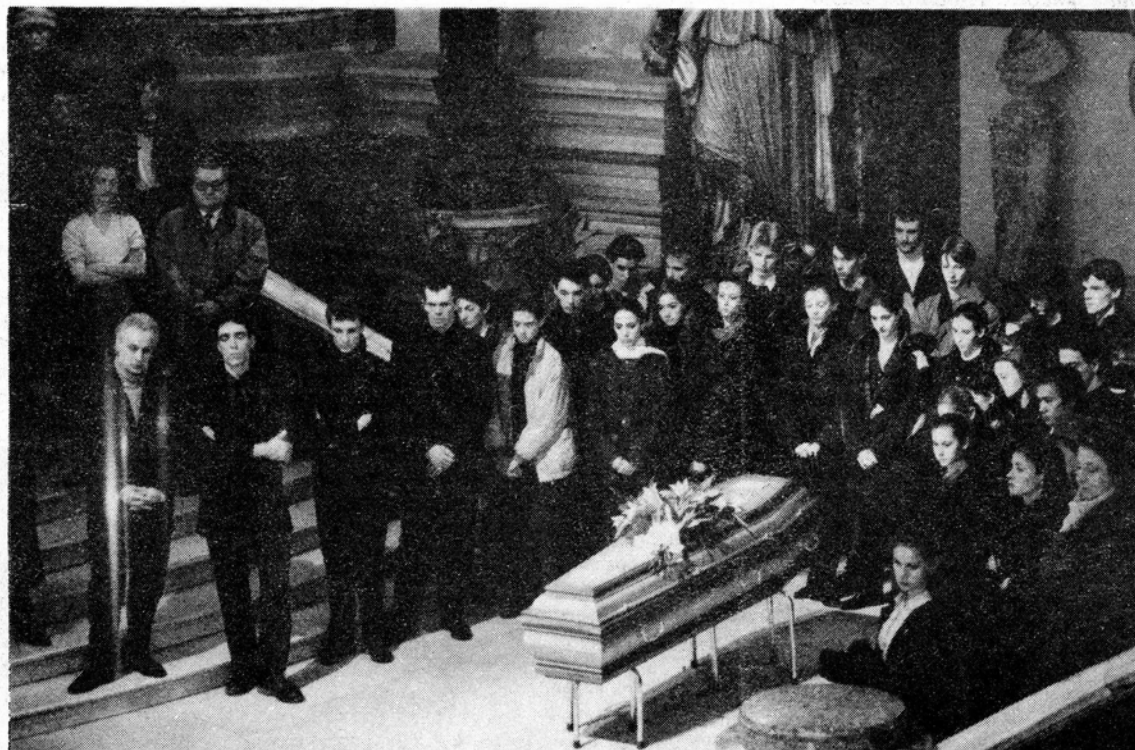
«Русская мысль»

прощание

1938 — 1993

РУДОЛЬФ НУРЕЕВ родился 17 марта 1938 года в поезде между озером Байкал и Иркутском. Его мать Фарида (по национальности татарка) с тремя дочерьми ехала во Владивосток к своему мужу — армей-

Прощание с Рудольфом Нуреевым началось в Парижской Опере 11 января. С 10 до 17 часов через ее главную галерею прошли тысячи поклонников и друзей великого артиста, склоняя голову перед его памятью у огромного фотопортрета, утопающего в венках и цветах.

В четырех траурных книгах люди разных национальностей оставили

Придет ли час моей свободы?

Пора, пора! — взываю к ней;

Брожу над морем, жду погоды,

Маню ветрила кораблей.

Под ризой бурь, с волнами споря,

скому политинструктору.

Во время войны семья переехала сначала в Москву, а затем в Уфу (Башкирия).

Будущую карьеру Рудольфа решил случай. В 1943 году он попал в Уфимский оперный театр, где увидел Танец маленьких лебедей. Рудольфу тогда было пять с половиной лет.

Через полтора года он начал заниматься в школе народного танца, и вскоре вся Уфа знала, что появился одаренный мальчик, который прыгает выше своей тени.

Но Рудольф мечтал о Кировском балете. В 17 лет он поступил в Вагановское училище в Ленинграде, где с ним стал заниматься знаменитый педагог Александр Пушкин. Освоив за три года программу училища, Нуреев был зачислен в балетную труппу Кировского театра.

Очень скоро он стал первым танцовщиком и вместе с труппой поехал на гастроли во Францию. Здесь, в Париже, 17 июня 1961 года Рудольф Нуреев совершил свой смелый прыжок через таможенный барьер в аэропорту Бурже.

Однако поначалу Парижская Опера отнеслась к нему с опаской и недоверием.

В первый год Рудольф танцует «Спящую красавицу» с Ниной Вырубовой в Театре Елисейских Полей, а затем этот спектакль был показан в Монте-Карло.

В 1962 году Рудольф Нуреев переехал в Лондон, где стал партнером Марго Фонтейн — прима-балерины театра «Ковент-Гарден». Там он обрел успех и всемирную известность.

В 1963 году Фредерик Аштон поставил для Рудольфа балет «Маргарита и Арманд», открыв список незабываемых спектаклей, которые были созданы специально для Нуреева. Затем в 1971 году был Морис Бежар, в 1975 году — Марта Грехем и др.

В 1964 году Нуреев поставил свой первый спектакль «Раймонда» с Лондонским Королевским балетом. За этим последовали и другие постановки, которые прославили имя Нуреева как хореографа классического и современного репертуара.

В октябре 1992 года в Парижской Опере состоялась премьера «Баядерки» — последнего, тринадцатого балета, поставленного выдающимся хореографом.

С сентября 1983 по 1989 год Рудольф Нуреев был директором балетной труппы Парижской Оперы.

В 1987 году, впервые после своего решения остаться на Западе, Рудольф Нуреев поехал в Советский Союз, чтобы навестить тяжело больную мать. Два года спустя он выступил в ленинградском Кировском театре, на сцене которого станцевал партию Джеймса в балете «Сильфида» вместе со своей бывшей труппой.

В 1991 году Нуреев активно выступал в качестве дирижера оркестра, гастролируя во многих странах мира, в том числе в Австрии, США, Италии, Греции, Польше, Чехословакии, Болгарии.

Французское правительство наградило Рудольфа Нуреева орденом Почетного Легиона и командорским орденом Искусств и Литературы (8 октября 1992 г.).

Рудольф Нуреев умер 6 января 1993 года в Париже в возрасте 54 лет.

записи на многих языках мира, но все они едины в стремлении выразить глубокую скорбь и преклонение перед гением ушедшего из жизни великого танцовщика.

Посол России Юрий Рыжов написал: «С глубокой скорбью о великом соотечественнике».

Отечество? Наверное, оно было для Нуреева и в России, и во Франции, потому что он хотел умереть в Париже, но просил похоронить его на русском кладбище.

Утром 12 января в роскошном холле Парижской Оперы собрались на гражданскую панихиду многочисленные друзья Нуреева, его сестры, племянники, балетная труппа Пале Гарнье, известные деятели культуры Франции и других стран. Среди знатных персон была и великая княгиня Леонида Георгиевна.

В 10 часов самые близкие друзья Нуреева, звезды балета — Шарль Жюд, Жан Гизерик, Кадэр Белярби, Манюэль Легри, Вильфрид Ромоли, Лоран Илер внесли его гроб в зрание Парижской Оперы. Они поднялись по мраморной лестнице, на каждой ступени которой молодые танцовщики бережно оставили по букету белых цветов.

На центральной площадке гроб водрузили на постамент. Патрис Бар положил на него ветвь белых лилий и рядом голубую бархатную подушку с двумя французскими орденами (командорский орден Искусств и Литературы был вручен Рудольфу Нурееву всего три месяца тому назад).

В окружении прославленной балетной труппы Нуреев покидал Парижскую Оперу — этот величественный храм, где еще совсем недавно он радовался премьере своей «Баядерки».

Камерный оркестр под управлением Жерома Пиллемана исполнил произведение Баха (фуги 1 и 13, ариозо для флейты и струнных) и Чайковского (Andante cantabile из Первого квартета).

Затем прозвучал фрагмент из «Евгения Онегина» Пушкина в исполнении Нинели Кургапкиной (в прошлом танцевавшей с Нуреевым в Кировском театре «Баядерку» и вместе с ним недавно восстановившей этот балет в Пале Гарнье).

Нинель закончила чтение словами: «Вздыхать о сумрачной России, где я

По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

страдал, где я любил, где сердце я похоронил».

Затем были прочитаны отрывок из «Манфреда» лорда Байрона (акт I, сцена 2), сонет Микеланджело, фрагменты из «Фауста» Гете (акт 5) и «Гений» Артюра Рембо.

В заключение выступил министр культуры и образования Франции Жак Ланг, который сказал: «17 марта 1938 года между берегами озера Байкал и горами Монголии родилась звезда. Ей было суждено озарять землю и пленять людей на протяжении более полувека».

Эту звезду боги наградили особыми дарами — красотой, силой и стремлением к совершенству.

Всю свою жизнь Рудольф Нуреев не только стремился упрочить эти дарования, но и преданно им служил. У него была гордость властелина, который никогда не сомневается в своих привилегиях, и вместе с тем скромность артиста, который каждый день сомневается в своем таланте.

Судьбой Нуреева управляла безудержная страсть и необыкновенная воля. Первая вела его от вызова к смелости, в постоянном стремлении превзойти себя.

Вторая была в жизненной энергии, упорстве, требовательности совершенства во всем».

В завершение Жак Ланг сказал: «Астрономы говорят, что после исчезновения некоторых звезд их свет остается еще очень долго. Свет Ру-

дольфа Нуреева продолжает ослеплять и вдохновлять нас».

Его гений всегда будет источником света. Дорогой Рудольф, мы Вас любим бесконечно!»

В 11 часов гроб с телом Нуреева вынесли из здания Оперы, у фасада которой были установлены десятки огромных венков из прекрасных цветов.

Парижане, собравшиеся у театра, провожали в последний путь своего незабвенного принца, который в черной траурной карете навсегда покидал бурлящий земной мир.

Длинная вереница машин медленно направлялась на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Утром серое, дождливое, к полудню небо вдруг просветлело, и даже появилось солнце, чтобы осветить последний путь артиста.

В 12 часов гроб с телом Нуреева опустили в могилу недалеко от места захоронения Сергея Лифаря.

Падают в свежую могилу цветы из рук родных Рудольфа, Пьера Берже, Иветт Шовире, Зизи Жанмер, Жана Бабиле, Патрика Дюпона, Мари-Клод Пьетрагаллы, Микаэля Денара, многочисленных друзей.

Пьер Берже, президент Парижской Оперы, по окончании траурной церемонии сказал: «Я потерял друга, который мне был очень дорог. Танец потерял намного больше — своего поэта и певца».

В.И.

Париж, 12 января 1993

«Через препятствия к смерти»

Одно из последних интервью
Рудольфа Нуреева

Имя Нуреева навсегда останется в истории балета как почитателя и преданного хранителя традиций классического танца, а также смелого и увлеченного реформатора старых, отживших его форм. Воспитанник Вагановского училища, солист Кировского театра, оказавшись в 1961 году на Западе, Рудольф очень быстро впитал в себя все то лучшее, что раньше ему было недоступно. Божественный дар изысканного танцовщика, врожденная музыкальность, поразительные артистические способности в сочетании с высочайшей дисциплиной, работоспособностью и одержимостью позволили ему подняться на высшую ступень балетного олимпа. Имя Нуреева повсюду ассоциировалось с ослепительным талантом русского танцовщика, который не только покорила весь мир, но и внес в балет Запада все лучшее, что было в русском балете. Создавая спектакли (а их теперь после недавней парижской премьеры «Баядерки» стало 13), Рудольф воплощал в хореографии свое уникальное богатство, которое обрело особую лучезарность от слияния русской и западной танцевальных школ. Нуреев дал классическому балету мощный импульс, свободу, искренность, современность, красоту жизни. Его спектакли, несомненно, будут жить еще очень долго, и в них будет жить Рудольф Нуреев. Склоняя голову перед памятью великого артиста, приведу фрагмент интервью, которое Рудольф дал мне на сцене Парижской Оперы примерно год тому назад. Надеюсь, это позволит читателю почувствовать масштаб и многогранность удивительного дарования Нуреева, самобытность и яркость этой личности, стремительность и страстность жизни, которая словно симфоническая

лента. Фриджерно нравятся эти черные декорации.

— А вам?

— Думаю, что это хорошо придумано. Эти колонны, обелиски, они говорят о смерти. Это не для музыки Дриго. Здесь музыка мясистая, тяжелая.

— Что значит для вас музыка Прокофьева?

— Прокофьев — это дар Божий. Все хореографы и танцовщики каждое утро должны молиться трем композиторам — Чайковскому, Прокофьеву и Стравинскому. Ведь благодаря этой триаде балет стал искусством.

— Сегодня рядом с разными стилями классического балета разрастается многообразие направлений авангардного танца. Основы классики и авангарда противоречивы, как Монтекки и Капулетти. Что вы думаете об авангардном танце?

— Он нужен. Это новый язык, это «думай по-новому, хотя не знаешь, что откроешь». Может быть, смерть ганцу? Но мы с этим должны идти вперед, даже если это приведет к самоуничтожению танца. Однако я считаю, что классический балет должен себя защищать. Нужно создавать прекрасные спектакли, как это делает великодушная труппа Пале Гарнье, демонстрируя, каким может быть классический танец.

— И все-таки, может ли, на ваш взгляд, авангардный танец вытеснить классический?

— В эстетическом плане нет. Это только вопрос финансов. Классиче-

ский — самая лучшая танцевальная школа и самый лучший балет. Но теперь это не так. Нет прежней культуры.

— Вы окончили Вагановское училище, овладели основами русской танцевальной школы. Могли бы вы ее сравнить с французской?

— Это те же па. Их и называют, и делают так же. Сказать, какая школа лучше, трудно. Нужно смотреть, сравнивать. Лучшей школы, в общем-то, нет. Я был очень доволен, что рано уехал на Запад. Я был в «Ковент-Гарден», видел, как там работают. У них все совершенно по-иному, чем в России. Я был в Америке, работал в «Балле-Тизтр». И каждый педагог мне дал что-то свое, для меня новое.

— Уникальное? Не знаю. Когда ставишь балетный спектакль, нужно читать музыку. Мне много лет говорили в Вене, что я должен учиться быть дирижером. И в конце концов в этом году мне позвонили и сказали: «Приезжай в Вену, у нас есть оркестр. Мы тебе устроим 13—14 репетиций для подготовки репертуара. Посмотрим — получится или нет?» Мне кажется, что получилось. В июне состоялось мое первое выступление с оркестром Пале Аусберг.

— Мои вам самые искренние поздравления. Какой у вас репертуар?

— Я начал с «Аполлона Мусагета», Стравинского, затем была «Серенада» Чайковского, симфония Гайдна «Охота», два концерта Моцарта, Третья

для труппы Парижской Оперы балет «Вашингтон-сквер». Это спектакль на целый вечер.

— И все-таки у вашего сердца и души есть привилегии в музыке?

— Чайковский. Он выигрывает. К его музыке нельзя оставаться равнодушным. И, конечно, если хорошо дирижировать Моцарта, то это счастье. И Бетховен! Такая приходит эйфория, такой адреналин...

— Рудольф, о чем вы сейчас мечтаете?

— Скоро я должен ехать в Болгарию. Мне там дают возможность работать с оркестром. И я уже начал репетиции «Петрушки» Стравинского. Нужно понемножку грызть партитуру, такт за тактом.

— Каковы ваши творческие планы на будущее?

— Сейчас я еду дирижировать в Вену. В Пале Аусберг у меня будет концерт вальсов. С Венским оркестром я, может быть, появлюсь в «1001 ночи» Штрауса как махараджа. Так этого там хотят. В 1992 году я должен был ставить балет «Ундина» на музыку Хенце во Флоренции. Но там вдруг «исчезли» деньги, так что это отпало. В Неаполе будет поставлена моя версия «Щелкунчика». Недавно я там сделал «Золушку». В Милане у меня будут три постановки на музыку Чайковского: «Спящая красавица», «Щелкунчик» и «Лебединое озеро» (версия 1990 года). Они уже раньше шли в театре «Ла Скала» в моей редакции. Первые две были сделаны в 1966 и 1969 годах, поэтому их нужно будет возобновить. В последующие шесть лет «Ла Скала» хочет ставить мои балеты — по одному ежегодно. В их числе — «Золушка» и «Ромео и Джульетта». Последний я уже ставил для этого театра в 1980 году.

— Попутный вопрос: что вы думаете о возобновлении старых классических спектаклей с новым оформлением?

— Если талантливо, то это нужно делать. Мэтс Эк заново поставил

Фот. Мюелли. 1992 г.

«Жизель»: это чудный спектакль.

— Ваш балет «Ромео и Джульетта» меня шокировал своеобразием трактовки отдельных сцен. Возможно, есть и другие суждения?

— Этот спектакль после премьеры на фестивале в Лондоне мы повезли в Перт, в Австралию. Из Сингапура мы летели вместе с Майей Плисецкой. Она на несколько дней задержалась в Перте и посмотрела балет. Потом мы с ней встретились, и она сказала: «Как это у вас получается? Откуда все?» Ей понравилась и драматургия спектакля, и все танцевальные па. Она была очень довольна.

— А как вы оцениваете свой спектакль?

— Думаю, что я хорошо прочитал Шекспира. Понял, что важно и что не важно. Здесь главное — драма. Это бег через препятствия к смерти. А почему вас шокировала моя постановка?

— В сцене гибели Меркуцио, где в партитуре Прокофьева, словно предсмертные удары сердца, звучат трагические оркестровые такты, ваш Ромео с друзьями устраивает комедию. Они шутят и издеваются над умирающим Меркуцио, а затем импровизируют церемонию его похорон.

— Но Меркуцио много раз прикидывался убитым. Поэтому ему уже не верят, как в той известной сказке про волков.

— В вашем спектакле очень гнетуще выглядят декорации. Словно могильные каменные плиты, на сцене часто появляются огромные черные колонны. Как возникло ваше творческое сотрудничество с Эзео Фриджеро, который оформил балет?

— Я видел его спектакли. Фриджеро сделал необыкновенными постановки Штреллера. Он удивительно оформил «Свадьбу Фигаро». В театре «Пикколо» его «Арлекино» Сальваторе Падроне — спектакль незабываемый. Вот я и попросил его оформить мой балет в Лондоне. Это было во время съемок фильма «Валентино». Сейчас вы видите вторую версию ба-

скетов может умереть, если он будет стоять очень долго и театры и государство не смогут за него платить. Авангардные танцы дешевле и не требуют сложной сценической подготовки.

— Каким вы видите классический танец в будущем?

— Это зависит от гения, который придет. Спасибо Баланчину! Он создал американский балет. Баланчин очень увлекался мюзик-холлом. Из этого жанра он взял какие-то движения и формы и придумал новый танцевальный язык. Иную лексику после него создал Вилли Форсайт. Он внес в классический танец стиль «диско». Есть Иржи Килиан, у которого, я сказал бы, самые «золотые» уши. Он превращает метафоры в движения. Килиан слышит музыку и видит движения. Пол Тейлор тоже новатор танца. Будущее танца — в тех гениях, которые придумают новый язык.

— В 1989 году вы были в Ленинграде. Какие у вас сохранились впечатления?

— Неприятные. Все эти последние тридцать лет страна и танцевальное искусство не развивались, стали не лучше, а хуже. Русские танцовщики — очень высокомерные. Все пропитано какой-то идиотской рекламой: в Рос-

Когда я приехал на Запад, то первым делом отправился в Копенгаген посмотреть, как танцует Эрик Брун. Вот это школа! Я был счастлив, что он позволил мне быть возле него, видеть, как он работает, его технику. Нужно расширять свой кругозор. Русская школа страдает узостью и бедностью, там нет свободы в мышлении и танце. Это — долгая палка. Педагоги учат не технике, а манеризму. Поэтому и спектакли в России очень манерные, в них много кривляния.

— Рудольф, вы не только выдающийся танцовщик, но и плодотворный хореограф. На лучших сценах мира с большим успехом идут ваши многочисленные спектакли. Теперь вы еще известный дирижер. Как открылось это ваше новое и уникальное дарование?

Рудольф Нуреев, октябрь

симфония Бетховена, Первая симфония Прокофьева.

— Эти произведения вы исполняли только в Вене?

— Нет. И в Греции, и в Италии. Перед австралийскими гастролями я был в Болгарии, репетировал с оркестром Пловдива и Русе «Спящую красавицу» и «Щелкунчика». У меня хватило времени сделать пролог, паде-де и второй акт «Щелкунчика», который для меня очень важен. Он самый магический. Мне бы хотелось поработать с русскими оркестрами. Уже есть предложения.

— Музыка каких композиторов вы хотели бы исполнять в большей мере?

— Трудно сказать, кто самый любимый композитор. Невозможно. Хочется играть и Стравинского, и Штокгаузена, и Айвза. На музыку Чарльза Айвза в 1985 году я сделал

— Майя Плисецкая мне сказала в Мадриде то же самое.

— Вот видите. Мнения сходятся. К сожалению, я не видел его «Лебединого озера».

— Матс Эк скоро покажет в Париже свой новый балет.

— Но в январе я буду дирижировать в Вене, потом в Польше, Софии, Зальцбурге, Будапеште, Пльзене. В Берлине будет поставлена моя «Спящая красавица». Недавно я получил приглашение от мэра Москвы Гавриила Попова принять участие в новогоднем концерте. Почти отменив мои выступления в Вене, я все-таки позвонил в Москву и спросил, получается ли этот концерт. Оказалось, что нет. Так что моя поездка в Россию сорвалась...

Мне с Рудольфом хотелось говорить и говорить... Но это было уже абсолютно невозможно — начинался спектакль «Ромео и Джульетта». Открылся занавес, и оркестр, набирая прокофьевскую мощь, заглушил последние слова моего доброго и искреннего собеседника.

ВИКТОР ИГНАТОВ

Париж

